

В. А. КУПРИЯНОВ

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ И ИДЕЯ ПУБЛИЧНОСТИ РАЗУМА В НАУКЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ¹

Статья посвящена рассмотрению в контексте философии Нового времени истории ранней научной периодики, зародившейся в Западной Европе во второй половине XVII в. Идейным основанием института научной периодики следует считать идею публичности разума. Эпистемологический статус журнальной коммуникации в науке Нового времени заключался в обращении в публице как репрезентации внешней инстанции познания, суждение которой понималось как необходимое средство верификации научного знания. Такой смысл журнальной коммуникации нашел философское осмысление в учении Канта о суждении Другого как «пробном камне истины».

Ключевые слова: научная коммуникация, Кант, научные журналы, история периодики, историческая эпистемология, философия Нового времени

Современная научная коммуникация характеризуется наличием разветвленной сети журналов, конференций и издательств, которые выполняют роль посредников при общении между учеными. Однако нельзя сказать, что они выступают лишь в качестве незаметных медиаторов; скорее наоборот, средства коммуникации задают коммуникативные практики и определяют стандарты научной работы. Поэтому из пассивного посредника инструменты коммуникации превращаются в активных участников научного творчества². В большей мере данная особенность касается публикационной деятельности ученых, поскольку современная система организации науки признает публикацию основным результатом научной деятельности и главной единицей информационного обмена в науке³. По преимуществу публикационная активность в современной науке связана с журналами, которые конституируют группы научного сообщества, определяют тематическое поле наук, а также задают норму научности для соответствующих областей знания. Научные карьеры, утверждение научного лидерства и профессионального признания неразрывно связаны сегодня с журналами.

Данная статья ставит цель проследить зарождение института научного журнала и выявить то философское содержание, которое обусловило возникновение и развитие журнальной коммуникации в Новое

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ проект № 17-03-00171-ОГН «Ученые в социальных сетях: способствуют ли академические медиа профессиональной карьере?».

² О медиальном статусе научных публикаций см.: Шиповалова, Душина. 2018.

³ См.: Прайс 1976. С. 94.

время. Исследование позволяет, во-первых, выявить «идею» научной периодики, которая столь активно развивалась в XVII–XVIII вв. и, во-вторых, в историческом контексте проблематизировать вопрос как социальной, так и эпистемологической сущности журнальной коммуникации в науке, что может послужить базой для осмысления проблем научной коммуникации. Методология исследования отталкивается от программы исторической эпистемологии, направленной на выявление исторических корней научных норм, концептов и понятий.

Зарождение научной периодики в процессе институциональной трансформации науки в XVII в.

Процесс формирования науки нового типа в эпоху раннего Нового времени неразрывно связан с выработкой новых форм ее социального бытия. На смену старой институциональной структуре науки, центром которой были университеты, приходят такие организационные формы как академии и научные общества, которые наряду с новыми образовательными институциями оказываются точками сборки новой науки. Среда, которая создавалась в рамках академий и научных обществ, является сложным и многогранным социальным феноменом. Ее можно понимать как особое коммуникативное пространство, в котором происходили обмен знаниями и совместная выработка научных концепций и теорий. Процесс создания академий и научных обществ историки науки обоснованно считают частью научной революции XVI–XVII вв. Принято говорить об «организационной революции» в науке XVII века. Вершиной этого процесса стало создание *The Royal Society of London* (1660) и *Académie des sciences* (1666) во Франции⁴.

Тем не менее академии, общества и образовательные организации нового типа оказались не единственными институтами, обеспечивающими функционирование коммуникативной среды науки. Тип коммуникации, который присутствовал в рамках указанных социальных институтов науки, следует, используя современную науковедческую терминологию, называть *неформальным*⁵. Помимо книгоиздания, научная коммуникация в раннее Новое время концентрировалась в основном вокруг *частных* контактов ученых: это *переписка* и *личное общение*. Именно личные связи имели в данном случае важнейшее значение и формировали те коммуникативные каналы, которые пересекались в академиях, обществах и университетах.

В Новое время наука создала коммуникативную инфраструктуру, которая опиралась на иное понимание научности. Эта форма – *научный журнал и научная статья*. В истории научной коммуникации можно увидеть, как в течение периода с XVII по начало XXI в. журнальная ста-

⁴ См.: McClellan 2003.

⁵ См. классификацию типов коммуникации: Мирский, Садовский 1976.

тя постепенно становится превалирующей единицей обмена научной информации. Роль книг (что в особенности касается естествознания) постепенно отходит на второй план. Книги начинают выполнять функцию хранения того знания, которое впервые сообщается и даже формируется на страницах журналов. Таким образом, исторически коммуникация посредством журнальной публикации приходит на смену неформальной коммуникации. Важно прояснить, в чем смысл этой трансформации и какое понимание разума ее обуславливает. Для этого мы обратимся непосредственно к ранней истории европейских научных журналов.

Первые научные журналы возникают в 1665 г., когда с интервалом приблизительно в два месяца вышли издания *Journal des sçavans*⁶ («Журнал ученых», первый выпуск датирован 5 января 1665 г.) и *Philosophical transactions* («Философские записки», первый номер, или как это называлось тогда, «tract» с датировкой от 6 марта 1664/1665 г.). Хотя в весьма немногочисленной российской литературе по этой теме первым журналом принято считать указанное французское издание⁷, в целом среди исследователей данной тематики можно обнаружить дискуссию на предмет того, какое из них следует считать первым собственно научным журналом: несмотря на то, что *Journal des sçavans* возникает раньше, ряд исследователей указывает, что поскольку французский журнал содержал также и литературные новости, научным его считать нельзя. В частности, крупный специалист по истории научной периодики Д. Кроник указывал, что хотя *Journal des sçavans* служил средством научной информации, он «с самого начала был и затем оставался общим литературным периодическим изданием, в то время как *Philosophical transactions* сразу же были нацелены на распространение научного знания»⁸. Тем не менее позже Ж.-П. Виттю продемонстрировал несостоятельность подобного рода утверждений: за первые пятьдесят лет сообщения о *belles lettres* ни разу не формировали основного содержания журнала, стабильно составляя лишь меньшую его часть⁹. В целом же, содержание этого журнала было сконцентрировано на том, что сегодня образует область гуманитарных наук и естествознания, поэтому прославленное французское издание более правильно называть «всеобщим научным журналом». В противовес же такого рода «научной всеобщности», *Philosophical transactions* были сосредоточены на естественнонаучной тематике и, учитывая очевидную распространенность журналов образца *Journal des sçavans*, рассматриваемый английский журнал скорее стоит признать исключением. Все же трудно отрицать тот факт, что функции и, главное, цели обоих журналов оказались во многом общими.

⁶ Здесь и далее название приводится в орфографии XVII в.

⁷ См.: Копелевич 1974. С. 32–40.

⁸ Kronick 1990. P. 243. См. также: Kronick 1962.

⁹ См.: Vittu 2002. № 2. P. 355.

При определении причин возникновения первых научных журналов историки науки чаще всего указывают на комплекс условий социально-экономического плана, которые сформировали необходимость создания нового средства научной коммуникации. В основном указывают, что изначальная интенция определялась задачей научного информирования и упрощения передачи информации. Так, говоря о возникновении *Journal des sçavans*, Р. Бирн верно отмечает, что в начале XVII в. французские ученые прекратили получать каталоги ярмарки во Франкфурте, которые давали представление о публикуемых новинках, что формировало потребность в новых средствах получения информации. Также большое значение имело постепенное (на протяжении XVII–XVIII вв.) уменьшение роли латинского языка как международного языка науки¹⁰. «Очевидно, – продолжает в этой связи М.Б. Холл, – что поскольку серьезные работы на национальных языках становились все больше распространенными, все ученые, если представлялся случай, стремились читать на своих родных языках»¹¹. Дополнительным стимулом к поиску новых средств общения, были трудности в распространении книг и необходимость контактировать с издателями, не всегда заинтересованными в печати литературы, возможность выгодной продажи которой не была очевидной. В этой связи европейское научное сообщество начинает ощущать потребность в новых способах коммуникации.

Возникавшие во Франции новые средства научной коммуникации отталкивались от уже существовавших – газет и литературных журналов. Именно поэтому таким новым средством научной коммуникации стал журнал, основывающийся по форме на уже существующих образцах прессы. Первую французскую газету *la Gazette* 30 мая 1631 г. при протекции Ришелье начал издавать Теофраст Ренодо (1586–1653) – один из родоначальников европейской прессы. В его издании печатались новости политики, светской жизни, религии, международных отношений и сообщения об общественно значимых событиях. *La Gazette* стал центром распространения информации и превратился впоследствии в главный информационный орган правительства «старого режима». Не заставило себя ждать и издание светского типа – с 1652 г. стала издаваться *La Muse Historique, la petite presse*, по выражению Э. Атена¹². В контексте таких форм распространения новостей, которые, по сути, представляли собой разновидность аристократических *divertissements*, шел также поиск новых средств передачи научной информации. Еще с конца XIX в. исследователи связывают начало научной периодики во Франции с проектом королевского историографа Ф.Э. де Мезере (1610–1683). Ш.-О. де

¹⁰ Birn 1965. P. 15–16.

¹¹ Hall 1965. P. 283.

¹² См.: Hatin 1839. T. 1.

Сент-Бёв датировал прошение о привилегии на издание *Journal Littéraire Général* («Всеобщей литературной газеты») 1663 годом¹³. Проект Мезере отличается широтой охвата. Основным смыслом предлагаемого им журнала состоял в регистрации и архивировании знания, репрезентированного в книгах, открытиях, изобретениях. Причем естествознание в его проекте играет второстепенную роль. Х. Браун очень точно пишет, что в программе Мезере виден скорее образ гуманиста и гуманитарного ученого (*humanist and scholar*)¹⁴. В центре – стремление к целостности знания, его всесторонности, в сочетании с пониманием журнала как, прежде всего, *средства информирования*, каким была и *la Gazette*.

В обращениях к читателю цель информирования достаточно ясно выражена («faire savoir ce qui se passe de nouveau dans la République des lettres»¹⁵): ставится задача сообщения об открытиях и изобретениях, новых книгах, экспериментах и необычных находках, могущих вызвать интерес среди *çavans*. Журнал публиковал также решения судов, похвальные заметки об ученых и некрологи. Первый номер, увидевший свет 5 января 1665 г., включал в себя в основном обзоры книг (*extraits*), например, обзор трактата Р. Декарта «О человеке» с приложением его же работы о формировании зародыша в издании К. Клерселье 1664 года, обзор работы М. Шоока «О чихании», издания раннехристианских авторов (Виктора Витенского и Вигилия Тапсенского) и др. (всего рассмотрено семь книг). Столь широкий тематический охват говорит об универсальности журнала. Заканчивается первый выпуск выдержкой из письма из Оксфорда, сообщающей о рождении вблизи Солсбери уродца: человека с двумя головами и четырьмя руками, который был женского пола, прожил два дня и по смерти был забальзамирован; данное событие ставится в связь с другим аналогичным, которое имело место ранее и было зафиксировано в книге Жака Рюефа. Именно в такого рода сообщениях и обзорах нашла выражение информативная функция журнала, которая доминировала в течение первых пятидесяти лет его существования¹⁶.

Однако при столь значимой информативной задаче журнал имел и другую в конечном счете более важную программу, которая выходила за пределы первоначальных намерений его создателей и формировала особую роль журнала как центрального института научной коммуникации республики ученых. На уровне тенденции данную программу (цель) можно выявить уже при рассмотрении содержания журнала за первые месяцы его существования: хотя журнал стремился играть информационную роль, а внимание к жанру обзора книг свидетельствует, казалось

¹³ Vittu 2002. № 1. P. 181-182.

¹⁴ Brown 1972. P. 367.

¹⁵ Journal des Sçavants. L'Imprimeur au Lecteur. 1665.

¹⁶ Как пишет Ж.-П. Виттю, обзоры книг в этот период, «занимали по меньшей мере две трети объема журнала». – Vittu 2002. № 2. P. 352.

бы, о вторичности журнальной коммуникации по отношению к книгам, он быстро превратился в своего рода *публичную трибуну* для высказывания новейших идей и открытий, что обеспечивало авторам не только быстрое распространение их исследований, но также и путь к научному признанию и известности. Журнал публиковал заметки, побуждающие к дискуссиям и полемике, которые имели место непосредственно на его страницах, превращая его, таким образом, в своего рода «форум разума», или «парламент ученых», в котором сталкиваются противоречащие друг другу позиции. Следовательно, той более фундаментальной идеей научного журнала была идея публичности, которая предполагала, что научный журнал является дискуссионной площадкой, на которой обсуждаются новейшие достижения науки, и живой процесс научного творчества получает таким образом публичную репрезентированность. Именно эта идея возводила первый научный журнал с уровня простого информационного бюллетеня в статус голоса научного сообщества.

В *Journal des sçavans* и в многочисленных журналах, следовавших его образцу, данный аспект нашел отражение в *mémoire*. *Mémoire* в основном представляли собой письма редактору, которые содержали сообщения о научных исследованиях отправителя. Как пишет Ж.-П. Виттю, научная периодика в этом случае предлагала «рассказ о наблюдениях, опытах или о научной работе»¹⁷. Предполагалось, что редактор воздерживается от суждения, сохраняя беспристрастность и независимость, что, однако, не всегда было возможно. Примером таких писем можно считать сообщение в номере от 19 января 1665 г. (№ 3) о двухкорпусном корабле (*double-hulled vessel*) «Эксперимент», сконструированном и испытанном Уильямом Петти. К этому жанру принадлежат и сообщения об исследованиях Х. Гюйгенса, которые появляются в журнале в 1665 г., начиная с восьмого номера (датирован 23 февраля). Этот номер журнала оканчивается выдержками из двух писем: одно письмо (из Лондона) представляет собой отчет об использовании маятниковых часов (*Les Pendules*) для определения долготы во время путешествия капитана Роберта Холмса (1622–1692) по Атлантическому океану от острова св. Фомы к западному берегу Африки; вторая же выдержка относится к письму Гюйгенса, который восхищается столь успешным, по его мнению, применением данного механизма. Далее в одиннадцатом номере (от 16 марта) опубликовано следующее письмо от Гюйгенса, в котором автор рассказывает о явлении, когда двое маятниковых часов, повешенные рядом друг с другом, бьют в унисон, в связи с чем великий ученый представляет свои размышления, которые он развивает затем в *Observations*, опубликованных в предпоследнем, двенадцатом номере журнала (датирован 23 марта 1665 г. Репрезентативным для идеи публичности разума

¹⁷ Vittu 2005. P. 536.

является также сюжет, связанный с отзывом Гюйгенса на новый телескоп-рефлектор И. Ньютона, опубликованный в номере от 29 февраля 1672 г. (Гюйгенс сообщает, что именно он направил в *Journal des sçavans* изображение и описание телескопа, к которым он и приложил свою оценку данного изобретения). Сообщение в *Journal des sçavans* переключается с отчетом о новом телескопе Ньютона, опубликованном в мартовском номере *Philosophical transactions* (№ 81). Таким образом, два выдающихся ученых перенесли дискуссию о новом изобретении на страницы журналов, представив его на обсуждение публики. Затем последовала более развернутая дискуссия о телескопе, изобретенном Ньютоном, когда в следующем номере Ньютон опубликовал ответ на возражения А. Озу, а в номере 83 сделал замечания относительно аналогичного телескопа, сведения о котором были опубликованы в журнале *Recueil des mémoires et conférences concernant les arts et les sciences*, который издавался Ж.-Б. Дени и был имитацией *Journal des sçavans* (в нем приводилась выдержка из письма де Берсе о том, что некий господин Кассегрен (теперь идентифицируемый в качестве Лорана Кассегрена) изобрел аналогичный телескоп). В тесной связи с дискуссией о телескопе находится полемика вокруг ньютоновской теории света и цвета, которая развернулась с 1672 по 1676 г. на страницах *Philosophical transactions* после публикации Ньютоном в этом журнале (№ 80) письма о его исследованиях в этой области. В публичной дискуссии приняли участие И.Г. Парди, Ф. Линус, Р. Морей, Р. Гук, Х. Гюйгенс, А. Лукас. Данный пример свидетельствует о роли научного журнала не просто как канала информирования ученых и базы для регистрации научных знаний, а как средства для ведения публичной полемики и открытых дискуссий.

Г. Ольденбург, создатель второго по времени возникновения научного журнала и одного из важнейших изданий в истории европейского естествознания – *Philosophical transactions*, сформулировал цель формирования публичной трибуны для научных дискуссий более ясно, чем организатор *Journal des sçavans* (Дени де Салло, *conseiller* Парижского парламента), хотя, по всей видимости, этот журнал задумывался Ольденбургом как средство получения финансовой выгоды¹⁸ и оставался долгое время не более, чем частной инициативной редактора¹⁹.

Как и на материке (проект Мезере), идея информативного издания имела место также в Англии²⁰: в этой связи упомянем проект Р. Гука, который, возможно, в 1663 г. предложил печать периодического издания, сообщающего о новейших достижениях науки и информацию об ученых занятиях Королевского общества²¹. Тем не менее коммуникация

¹⁸ Andrade 1965. P. 13.

¹⁹ См.: Moxham 2016.

²⁰ См.: Wigelsworth 2010. P. 17–40.

²¹ Kronick 1990. P. 244.

имела для Ольденбурга важное эпистемологическое значение, которое придавало идее информирования, также подразумеваемой при организации первого английского научного журнала, более глубокий смысл. Как пишет М.Б. Холл, Ольденбург стремился посредством переписки способствовать продвижению знания, для чего, как он полагал, необходимо одному ученому сообщить о занятиях другого²². Соответственно, этот смысл перетекает и в организуемый Ольденбургом журнал: уже во введении к первому выпуску (6 марта 1665 г.) он поясняет, что сообщение открытий является наилучшим путем «продвижения и улучшения философских знаний», для чего лучше всего подходит печать (*Press*), и что исследования «на основе крепкого и полезного знания могут быть дальше продвинуты, могут быть совершены выдающиеся достижения и инициативы, <...> что может сделать вклад в Великий План улучшения естествознания, усовершенствования философских искусств и наук»²³.

Итак, можно заключить об идее коммуникативности научной истины как об основании новой научной институции – научного журнала. Если в основании *Journal des sçavans* данная идея лежала имплицитно, то в программе *Philosophical transactions* она была высказана достаточно определенно. Помимо процитированного выше обращения к читателю, о значимости идеи о коммуникативности истины при создании французского журнала свидетельствует сообщение Г. Ольденбурга в письме к Р. Бойллу от 24 ноября 1664 г.: видимо, на основе сообщения А. Озу, он проинформировал своего корреспондента о проекте первого французского научного журнала (*Journal des sçavans*), в цели которого входило, согласно его сведениям, предоставление сведений о спорах и дискуссиях среди ученых²⁴. Именно понимание истины как необходимо предполагающей плюрализм суждений обеспечило статус первых научных журналов в качестве публичных дискуссионных площадок, что хорошо видно на примере полемики вокруг исследований И. Ньютона и публикационной активности Х. Гюйгенса в *Journal des sçavans*.

Первые научные журналы, задуманные исходя из потребности информирования ученых и регистрирования знания, оказались выразителями идеи коммуникативности истины, платформой для столкновения позиций и точек зрения, форумом, предоставлявшим возможность для свободной дискуссии наподобие парламентских прений. Научные журналы превратились в институционализированные структуры республики ученых, которая, продолжая существовать в виде сети ученой переписки, значимость каковой отнюдь не упала с появлением журналов²⁵, стала концентрироваться в научных журналах как своего рода точках сборки и

²² Hall 1965. P. 286–288.

²³ The Introduction. *Philosophical Transactions*. Vol. 1. 1665. Pp. 1–2.

²⁴ The Correspondence of Henry Oldenburg. 1966. Vol. II. 1966. P. 320.

²⁵ Kronick 2001.

«зонах обмена»²⁶. Журналы обеспечили платформу, которая сводила в единое целое все основные формы научной коммуникации: письма, книги, отчеты; причем, поскольку журналы предлагали выдержки из других журналов, между ними формировалась незримая связь, которая создавала, по сути, внепространственное и вневременное научное поле.

Научные журналы стали концентрированным выражением знания, сообщаемого в разных формах. Именно поэтому, несмотря на огромную значимость переписки вплоть до XIX в., журналы превратились в главный орган международной республики ученых²⁷.

Публичность разума как основание идеи научной периодики в классической науке

Важнейшим аспектом журнальной коммуникации оказался феномен читающей публики, суждение которой понималось в качестве важной составной части научного познания. В качестве же публики выступала как раз «республика ученых», поэтому журналы служили для нее средством самопознания²⁸.

Что представляла собой эта Республика ученых, в отличие от других социальных общностей, которые тоже концентрировались вокруг журналов? П. Бейль, говоря о республике ученых в предисловии к издаваемому им журналу, писал: «здесь совсем не идет речь о Религии: речь идет о Науке: следует, поэтому, опускать все термины, которые разделяют людей на различные партии, и рассматривать их только с точки зрения, которая их объединяет, что есть качество выдающегося Человека в Республике ученых. В этом-то смысле всех ученых следует рассматривать в качестве братьев, или что одни ничуть не хуже других»²⁹. В этих словах заметен протест против любых различий, которые бы были внешними по отношению к науке: сословные; религиозные и имущественные барьеры не должны иметь значение для определения критериев принадлежности к ученому сообществу. Более четко высказывается К.М. Виланд во вводной статье к журналу *Der Teusche Merkur*. Издатели книг и редакторы журналов должны, по его замыслу, заключить союз ради развития вкуса публики и всеобщего просвещения. В предполагаемом уставе этого союза Виланд писал: «Каждый ученый и каждое ученое сообщество имеют только по одному голосу; самый безвестный из жителей земли, если у него есть, что сказать умного, имеет такое же право голоса, как и президент академии»³⁰. Таким образом, публика научных журналов представляет собой идеальное объединение мыслящих и разумных субъектов, в котором не действуют обычные в реальном со-

²⁶ Об эпистемологическом смысле понятия «зона обмена» см.: Галисон 2004.

²⁷ См.: Vittu 2013.

²⁸ См.: Словарь основных исторических понятий 2014. С. 329.

²⁹ *Nouvelles de la République des lettres*. № 1. Preface. P. A6.

³⁰ Цит по: Словарь основных исторических понятий 2014. С. 335.

циуме механизмы контроля и признания³¹. Ученая публика образует духовное пространство, служащее средой для рациональной коммуникации. Причем рациональность играет в данном случае определяющую роль, ведь единственным основанием бытия в республике ученых является разум, существование которого основывается на всеобщих и необходимых законах логики, значимых вне зависимости от условий пространства и времени. Все обычные социальные различия в данном случае отменяются и формируется когнитивное равноправие на основе разума.

Равноправие в республике разума не означает, однако, отмену статусов и иерархии; наоборот, они сохраняются, но приобретают иное основание. Статусные роли и ценностные позиции в этой идеальной среде определяются исключительно разумом и, говоря о журналах XVIII в., просвещенностью. Последняя же, в свою очередь, формируется в процессе *публичной* коммуникации, поэтому в данном случае имеет место реципрокность: журналы формируют читателя, но и читатель, в свою очередь, определяет содержание журнала, поэтому для ученого сообщества научный журнал оказывается институтом саморепрезентации.

Признание в качестве члена республики ученых и определение своего места в ней предполагает публикационную активность через научные журналы. Журнал таким образом выполняет функцию института легитимации в науке. Место в структуре науки – это место в интернациональном пространстве, репрезентируемом в журнальных публикациях и печатных трактатах. В отличие от межличностных контактов, осуществление публикации оказывается не просто абстрактным коммуникативным действием, направленным на обмен информацией, а актом *признания* со стороны научного сообщества. В этом заключается собственно социальная функция публикации. Сама по себе формальная коммуникация, осуществляемая в том числе и посредством журналов, создает идеальное сообщество ученых. В этом отношении научное сообщество классической науки представляет собой не только и не столько сеть межличностных коммуникаций, сколько идеальную целостность, основанием бытия которой является общее понимание *разумности*. Особая роль при этом отводится именно научному журналу как своего рода главному модератору между книжными публикациями и перепиской.

В этом контексте мы сталкиваемся с проблематикой эпистемологического статуса коммуникации в классической науке и эпистемологической ролью научных журналов. Общее представление об этом опирается на убеждение, что теория познания классической науки основывается на том, что обычно называют «гносеологической робинзонадой»³². В эпоху Просвещения эта концепция находит выражение в идее само-

³¹ См.: Daston 1991. P. 367–386.

³² См., напр.: Декарт 1994. Т. 2. С. 3–72; Кант 1964. Т. 3. С. 682–683.

стоятельности разума и идее борьбы с предрассудками, которые Н. Хинске определил как программные в целом для всей этой эпохи³³. С этой точки зрения, идея автономии разума является основой познавательной активности в классической науке.

Казалось бы, идея автономии субъекта познания и замысел, который прослеживается в деятельности первых научных журналов (*Journal des sçavans* и *Philosophical transactions*) и в целом в европейской научной периодике – создание коммуникативной среды как условия постижения истины – противоречат друг другу. Однако на самом деле нет противоречия между идеей автономии субъекта познания – важнейшей идеей классической науки – и пониманием публикационной активности как важнейшего условия достижения истины. Классическая наука, разумеется, опирается на признание факта фундаментальности автономии разума, но второй важной характеристикой классического разума является его *публичность*. И именно это обстоятельство обуславливает возможность научной коммуникации через публикационную деятельность: признание публичности разума изначально заложено в идее печатной книги и, прежде всего, журнала. Тем не менее рефлексия на эту тему обнаруживается в философии относительно поздно.

Наиболее последовательным и ярким выразителем идеи публичности разума выступил И. Кант. Кантовская позиция при этом не столько характеризует его собственную концепцию, сколько служит зеркалом некоего общего понимания науки. Кант как бы резюмировал то, что было имплицитно заложено в деятельности европейской системы научной периодики. Здесь, однако, важно сразу сказать, что обращение к публике для установления истины выполняет в гносеологическом смысле подчиненную роль в процессе научного познания. И тем не менее обращение к другому оказывается неотъемлемой инстанцией научного познания. В «Критике способности суждения» Кант выделяет три максимы «обыденного человеческого рассудка»: максима свободного от предрассудков мышления, широкого мышления и «последовательного образа мыслей»³⁴. Первое место он отводит самостоятельности мышления, но далее следует способность «мысленно ставить себя на место каждого другого». Приведем более репрезентативную, выдержку из Канта:

«Суждение других, это не особенно надежное подспорье, в котором одобрение рассматривается как признак истины, большинство людей спокойно использует, высказывая свои суждения; ибо, если бы мы захотели утверждать, что истинно то, что говорят все люди, нам пришлось бы всегда следовать примерам других. Однако, несмотря на то, и самый проницательный человек не может признать излишним пример других людей; ведь сколь бы убедительно ни было для него его собственное суждение, ему все-таки не может быть безразлично, что говорят

³³ Хинске 2007.

³⁴ Кант 1966. Т. 5. С. 307–308.

о нем другие, и эта склонность заложена в нашем рассудке. А потому склонность к изданию своих сочинений есть не просто следствие суетности, но призвание природы; ибо, поскольку человек мог бы сильно заблуждаться в своем частном суждении и жить в воображаемом блаженстве великих познаний, природа поставила публику подлинным судьей наших мыслей, и в особенном употреблении разума индивида приговор должен вынести общечеловеческий разум. Быть может, суетность тоже имеет здесь влияние, но природа воспользовалась подобными влияниями для достижения своей цели; ибо для установления истины нет иного пути, как только если один человек выскажет суждение о ней и сообщит это свое суждение другим людям, к чему удобный случай предоставляет ему станок печатника, тем самым совершается просвещение публики. // Говорят, будто нехорошо, что сегодня всякий имеет право думать и писать по теологическим вопросам. Но сообщение есть природное влечение; ибо как же будет установлена истина, если мы замкнем наше мнение только на нас самих? Итак, это природное влечение, очевидно, имеет целью определение человеческого рода посредством общедоступной истины; ведь одно суждение исправляет другое, и потому склонность проверять наши суждения разумом других есть такое средство, которого не может отвергнуть и самый мудрый человек»³⁵. (Человековедение или всеобщая антропология (конспект лекций)).

В рукописных заметках Канта можно обнаружить интересное уподобление ученого, который опирается только на свои силы Циклопу. Циклопу не хватает второго глаза в виде критики, поэтому его восприятие мира односторонне и не застраховано от ошибок. Кант пишет: «Такого ученого [который излишне доверяет собственным силам] я называю Циклопом. Он – эгоист науки, и ему надобен еще один глаз, который даст ему рассмотреть свой предмет и с точки зрения других людей. На этом основывается гуманность наук, т.е. общительность суждения, силою которой мы подвергаем его также суждению других» (XV 395)³⁶.

Эгоизму Кант противопоставляет плюрализм, эпистемологический статус которого он объясняет в «Антропологии с прагматической точки зрения» таким образом: «Эгоизму можно противопоставить только плюрализм, т.е. образ мысли, при котором мы рассматриваем себя и ведем себя не как заключающие целый мир в своем Я, но только как граждане мира»³⁷. Кант понимает суждение другого в качестве, как он выражается, «пробного камня истины». Обращение к широкой читающей публике служит в данном случае средством внешней проверки знания, без которого познание истины оказывается неполным.

То есть смысл научного познания хотя и заключается в самостоятельной выработке знания, но это предполагает обращение к научному сообществу с целью проверки полученных выводов. Почему же, однако, межличностная коммуникация оказывается в данном случае недостаточной? При обращении к публике как к внешнему судье добытого зна-

³⁵ Цит. по: Хинске 2007. С. 101.

³⁶ Цит. по: Хинске 2007. С. 113.

³⁷ Кант 1966. Т. 6. С. 360.

ния ученый апеллирует к всеобщей инстанции, тем самым предоставляя полную свободу для критики своих выводов. Собственно, публикация как акт проверки знания через всеобщность разума превращает некое частное мнение в общее знание. Поскольку стремление к истине является имманентным разуму, а обязательным средством для достижения этой цели служит обращение к суждению публики, то, во-первых, публичности понимается в данном случае как существенная характеристика разумности и, во-вторых, она оказывается отражением всеобщности разума. Репрезентацией же всеобщности разума является республика ученых, точками сборки для которой как раз и являются научные журналы. В таком смысле знание, не признанное научным сообществом (республикой ученых) через верифицированные им социальные институты (журналы), не является знанием в точном смысле этого слова. Именно такого рода внешнего признания и не позволяют достичь никакие формы межличностной коммуникации. Причем журнал оказывается наиболее динамичной и действенной трибуной для перевода частного мнения на уровень всеобщего знания, поскольку, хотя знание представляется по преимуществу в напечатанной книге, где его можно развернуть во всей полноте аргументации, борьба за его признание и его распространение ведется прежде всего на страницах журналов. Защита знания предполагает его обсуждение в научном сообществе, которое представлено, прежде всего, научным журналом. Кант по-разному объясняет мотивацию к публикационной деятельности. В целом в его опубликованных работах и в рукописном наследии можно выделить три труппы причин, которые, по его мнению, мотивируют ученого на публикацию своих исследований. Во-первых, это запрос на то, что Кант называет *votum consultativum* в познании, во-вторых, публикация понимается им как моральное обязательство, и, в-третьих, как естественная склонность к этому. В любом случае проверка своих суждений разумом других и обращение для этого к публике оказывается необходимым инструментом достижения истины.

Журнальная коммуникация, возникнув изначально, прежде всего, исходя из потребности информирования о новинках и продиктованная эмпирическими условиями в виде трудностей распространения знания традиционными на тот момент средствами, превратилась в итоге в особый институт науки, который стал обеспечивать легитимацию знания и, соответственно, определять социальный статус ученых. Однако в основе журнальной коммуникации лежала также и более фундаментальная потребность ученых в публичности как средстве, обеспечивающем прогресс знания и являющимся условием истины. Данное обстоятельство оспаривает тезис о том, что гносеологический идеал науки Нового времени основывается на редуцировании процесса познания исключитель-

но к самостоятельности разума, который может и должен продуцировать истину только лишь из себя самого. Как реальная практика научной работы в период XVII–XVIII вв., так и философская теория показывают, что познание истины является для классической науки коллективным мероприятием, в рамках которого проявляется коммуникативная природа научной рациональности, не мыслящей никакого Я независимого от Другого, который оказывается неперенным участником процесса познания. Журналы можно считать формой бытия Другого, который понимается в виде, прежде всего, выразителя всеобщности разума.

Таким образом, понимание разума как инстанции, укорененной в публичном пространстве в виде сети журналов, привело науку Нового времени к установлению журнальной публикации в качестве основного средства ведения полемики и научной коммуникации. Именно благодаря этой особенности понимания разума публикация в журнале постепенно вытесняет другие виды научной коммуникации, становясь основой инфраструктуры научного общения. Книга оказывается устаревшей, фактически средневековой формой сообщения результатов исследования. Обнаруживается постепенная трансформация ее функций и статуса: от основного инструмента коммуникации к подчиненному средству сообщения уже ранее публично представленных исследований. Публикация же в научных журналах, хотя и вытесняет старые формы межличностной коммуникации, но не отменяет их полностью.

Кризис научных журналов в современной науке, выражающийся в резком увеличении их количества, коммерциализации и в росте значимости социальных связей для осуществления публикаций, ставит вопрос о поиске новых форм научной коммуникации. Можно утверждать, что если для классической науки коммуникация через научный журнал оказывается основной, то наука постнеклассическая пока не имеет своих собственных коммуникативных форм, выработка которых оказывается насущной потребностью науки на современном этапе ее развития. Сложно сказать, способны ли различные формы интернет-общения в социальных сетях заменить традиционные научные журналы, поскольку важные элементы журнальной коммуникации в виде редакционной политики, института рецензирования, постоянной читательской публики, в современных интернет-сетях отсутствуют. Тем не менее, как показало наше исследование, формы коммуникации и в целом социальные институты, обеспечивающие функционирование науки, могут возникать и успешно развиваться только в случае, если они основываются на когнитивных потребностях ученых, а переформатирование социальных институтов науки возможно только как следствие радикальных изменений в понимании научной рациональности, что как раз прекрасно демонстрирует история первых научных журналов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действия // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–92 [Galison P. Zona obmena: koordinaciya ubezhdenij i dejstvija // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2004. № 1. S. 64–92]
- Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 3–72 [Dekart R. Razmyshleniya o pervoj filosofii, v koih dokazyvaetsya sushchestvovanie Boga i razlichie mezhdru chelovecheskoj dushoj i telom // Dekart R. Sochineniya v 2-h tt. T. 2. M.: Mysl', 1994. S. 3–72]
- Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 350–588 [Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya // Kant I. Sochineniya v 6 t. T. 6. M.: Mysl', 1966. S. 350–588]
- Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 1966. С. 162–542 [Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya // Kant I. Sochineniya v 6 t. T. 5. M.: Mysl', 1966. S. 162–542]
- Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с. [Kant I. Kritika chistogo razuma // Kant I. Sochineniya v 6 t. T. 3. M.: Mysl', 1964. 799 s.]
- Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Середина XVII - середина XVIII в. Л.: Наука, 1974. 267 с. [Kopelevich YU.H. Vozniknovenie nauchnyh akademij. Seredina XVII - seredina XVIII v. L.: Nauka, 1974. 267 s.]
- Мирский Э.М., Садовский В.Н. проблемы исследования коммуникации в науке // Коммуникация в современной науке. М.: Прогресс, 1976. С. 5–24 [Mirskij E.H.M., Sadovskij V.N. problemy issledovaniya kommunikacii v nauke // Kommunikaciya v sovremennoj nauke. M.: Progress, 1976. S. 5–24]
- Прайс Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // Коммуникация в современной науке. / под ред. Э. М. Мирского, В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 93–109 [Prajs D. Dzh. de S. Tendencii v razvitii nauchnoj kommunikacii – proshloe, nastoyashchee, budushchee // Kommunikaciya v sovremennoj nauke. / pod red. E.H. M. Mirskogo, V. N. Sadovskogo. M.: Progress, 1976. S. 93–109]
- Словарь основных исторических понятий: избранные статьи в 2-х т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 736 с. [Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponyatiya: izbrannye stat'i v 2-h t. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 736 s.]
- Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта. М.: Культурная революция, 2007. 296 с. [Hinske N. Mezhdru Prosveshcheniem i kritikoj razuma: ehtyudy o korpuse logicheskikh rabot Kanta. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2007. 296 s.]
- Шиповалова Л.В., Душина С.А. Эпистемологическое осмысление статуса научной публикации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 165–176 [Shipovalova L.V., Dushina S.A. Ehpistemologicheskoe osmyslenie statusa nauchnoj publikacii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. 2018. T. 34. Vyp. 2. S. 165–176]
- Andrade da C. E. N. The Birth and Early Days of the Philosophical Transactions // Notes and Records of the Royal Society of London. 1965. Vol. 20. №1. P. 9–27.
- Birn R. Le Journal des Savants sous l'Ancien Régime // Journal des Savants. 1965. №1. P. 15–35.
- Brown H. History and the Learned Journal // Journal of the History of Ideas. 1972. Vol. 33. № 3. P. 365–378.
- Daston L. The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment // Science in Context. 1991. Vol. 4. № 2. P. 367–386.
- Hall M. B. Oldenburg and the Art of Scientific Communication // The British Journal for the History of Science. 1965. Vol. 2. № 4. P. 277–290.
- Hatin E. Histoire politique et littéraire de la presse en France. T. 1. Paris: Poulet-Malassis et de Broise, 1859. 475 p.
- Journal des Sçavants. L'Imprimeur au Lecteur. 1665.
- Kronick D. A. Notes on the Printing History of the Early «Philosophical Transactions» // Libraries & Culture. 1990. Vol. 25. № 2. P. 243–268.

- Kronick D. A. A History of Scientific And Technical Periodicals: the Origins And Development of the Scientific And Technological Press, 1665-1790. New York: Scarecrow Press, 1962.
- Kronick D. A. The Commerce of Letters: Networks and «Invisible Colleges» in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe // The Library Quarterly: Information, Community, Policy. 2001. Vol. 71. № 1, 2001, pp. 28–43.
- McClellan J. Scientific Institutions and the Organization of Science // The Cambridge History of Science / R. Porter (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 87–106.
- Moxham N. Authors, Editors and Newsmongers: Form and Genre in the Philosophical Transactions under Henry Oldenburg // News Networks in Early Modern Europe / ed. by N. Moxham and J. Raymond. Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 465–492.
- Nouvelles de la République des lettres. № 1. Preface.
- The Correspondence of Henry Oldenburg / Ed. and transl. by A. Rupert Hall & Marie Boas Hall. Vol. II: 1663-1665. Madison, Milwaukee, and London: The University of Wisconsin Press, 1966. 678+XXVI p.
- The Philosophical Transactions. The Introduction. Vol. 1. 1665. P. 1–2.
- Vittu J.-P. Du Journal des savants aux Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux-arts: l'esquisse d'un système européen des périodiques savants // Dix-septième siècle. 2005/3. № 228. P. 527-545.
- Vittu J.-P. La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714. Premier article : d'une entreprise privée à une semi-institution // Journal des Savants. 2002. № 1. P. 179-203.
- Vittu J.-P. La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714. Second article. L'instrument central de la République des Lettres // Journal des Savants. 2002. № 2. P. 349-377.
- Vittu J.-P. Un système européen d'échanges scientifiques au XVIIIe siècle: les journaux savants // Le Temps des médias. 2013. Vol. 20. № 1. P. 47–63.
- Wigelsworth J. R. Selling Science in the Age of Newton. Advertising and the Commoditization of Knowledge. Farnham: Ashgate, 2010. xiii+203 p.

Куприянов Виктор Александрович, кандидат философских наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; nonignarus-artis@mail.ru

The first scientific journals and the idea of public reason in the modern science

The article considers the early scientific periodicals, which appeared in the Western Europe in the second half of the 17th century, in the context of the Modern philosophy history. The author points out that ideological basis for the institute of scientific periodical should be found in the idea of public reason. It is shown that epistemological status of the journal communication in the Modern science consisted in the addressing to public, which was understood as an indispensable means of the verification of scientific knowledge. Such an understanding of journal communication found its reflection in I. Kant's doctrine of the other's judgement as «a touchstone of truth».

Keywords: scientific communication, Kant, scientific journals, history of periodicals, historical epistemology, Modern philosophy

Victor Kupriyanov, PhD in philosophy, scientific researcher, the Saint-Petersburg branch of the S.I. Vavilov Institute for the history of science and technology of the RAS; nonignarus-artis@mail.ru